

СЕРЫЙ КАМЕНЬ

Повесть

Ульяна Уфимцева

Ульяна Уфимцева
Серый камень. Повесть

«Издательские решения»

Уфимцева У.

Серый камень. Повесть / У. Уфимцева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902149-6

Книгу прочитала на одном дыхании. В ней подняты все темы, которыми интересуюсь последнее время. В некоторых моментах узнавала себя. Тема манипуляции раскрыта доступным языком, для тех, кто не хочет погружаться в глубины психологии.

ISBN 978-5-44-902149-6

© Уфимцева У.
© Издательские решения

Серый камень

Повесть

Ульяна Уфимцева

Все события данной книги выдумка.

Все герои не являются реальными людьми.

Это стандартная архетипическая ситуация.

Все совпадения имен и событий случайны

© Ульяна Уфимцева, 2018

ISBN 978-5-4490-2149-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор благодарит группы:

«Перверзные нарциссисты, психопаты»

<https://www.facebook.com/groups/1688028868135589/>

«Антипсихопатия. Выход из токсичных отношений».

<https://www.facebook.com/groups/1363382287048870/>

Особая благодарность:

Кузнецовой Маргарите,

Митюниной Наталье,

Кочетковой Елене,

Гудинскому Руслану,

Осборн Марине,

Гирчак Яне,

Дьяченко Татьяне.

«Свежесть интерпретации детских переживаний на всегда актуальную тему. Когда дочитываешь до конца, абсолютно банальная история – измена мужа и распад семьи. Драма, переходящая в личную трагедию... Читая, достаточно живо представляешь их, и всю атмосферу событий. По мере развития сюжетной линии, мы видим как нить семьи начинает выскальзывать из рук главной героини... По-началу, нет ни страха, ни отчаяния, ни самосохранения, ни привязки ко всему, чем она жила, но трансформировалась в стороннего наблюдателя своей семейной жизни, и даже с интересом наблюдает, чем это может закончиться... Возможно с единственной целью – ЧТО она может почувствовать от наступления этого... Это эксперимент, опыт, над личной жизнью.»

Р. Гудинский.

«Прочла. Разговор души, местами переходящий в крик, который находит отклик в чужой душе... порой много слов, но ведь нам нужно иногда выговариваться, просто произнося слова и понимая, что тебя не всегда могут слышать в большом потоке речи, но этот поток воспринимается как эмоциональный фон, неотъемлемая часть разговора души.»

«Книгу прочитала на одном дыхании. В ней подняты все темы, которыми интересуюсь последнее время. В некоторых моментах узнавала себя. Тема манипуляции раскрыта доступным для женщин языком, для тех, кто не хочет погружаться в глубины психологии».

Вместо предисловия

– Уу-ф! – вздохнул Балу, снова очутившись среди неподвижных деревьев. – Никогда больше не стану просить помощи у Каа! – И он весь содрогнулся с головы до ног.

– Каа знает больше нас, – вся дрожа, сказала Багира. – Еще немного, и я бы отправилась прямо к нему в пасть.

– Многие отправятся туда же, прежде чем луна взойдет еще раз, – ответил Балу. – Он хорошо поохотится – на свой лад.

Р. Киплинг., – «Маугли»

«Он усадил ее на траву, нарвал цветов и кинул ей; она перестала плакать и тихо перебирала растения, что-то говорила, обращаясь к золотистым лютикам, и подносила к губам синие колокольчики. Я тоже присмирел и лег рядом с Валеком около девочки.

– Отчего она такая? – спросил я наконец, указывая глазами на Марусю.

– Невеселая? – переспросил Валек и затем сказал тоном совершенно убежденного человека.

– А это, видишь ли, от серого камня.

– Да-а, – повторила девочка, точно слабое эхо, – это от серого камня.

– От какого серого камня? – переспросил я, не понимая.

– Серый камень высосал из нее жизнь, – пояснил опять Валек, по-прежнему смотря на небо.

– Так говорит Тыбурций... Тыбурций хорошо знает.

– Да-а, – опять повторила тихим эхом девочка. – Тыбурций все знает.»

В. Короленко., – «Дети подземелья»

Лента Мебиуса – полоска бумаги, один край которой перевернут на 180 градусов и соединен с другим краем. Я беру карандаш и веду линию, в конце оказываюсь на другой стороне ленты – начинаю снаружи, заканчиваю внутри.

Один мальчик сказал, что выходов не существует, а существуют только входы. Я согласна. Любая дверь, в которую вы вошли, – вход. И понятий «обратно» и «вернуться» нет. Одна дверь, два входа. Входя, вы уже другой. Выхода нет – только вход.

Так же с эмоциями. Пока вы снаружи ситуации – она вас не трогает. Но стоит кому-то лишь краем коснуться ваших ценностей, и вот вы уже внутри. Теперь стать прежним нельзя. Согласитесь – очень неустойчиво. Это меняющийся поток. Быть в потоке может только охотник. Он не ходит одними тропами, он знает: то, что было вчера, не существует. Его жизнь зависит от «здесь» и «сейчас». Иначе – пума. А это конец.

Эмоции – это хищники, заманивающие нас в ловушку, чтобы сожрать самое ценное.

Я избавилась от эмоций. Теперь я Серый Камень.

Четыре утра. Спать не получалось. Приснился сон. Что-то мерзкое и розовое. Я ни о чем не думала, просто слонялась по дому. Наверное, надо чувствовать боль. Надо плакать или даже лучше рыдать в голос п-белужьи, с завываниями. Но ничего такого не чувствовалось. Пусто тоже не было. Откуда эти стандарты... Мне было хорошо. Я даже обняла стену. Не знаю зачем. Может, просто хотелось сказать дому спасибо, а может, у меня «крыша поехала».

Психи никогда не знают, что они психи. Может, правда, и они не психи, а это все остальные психи. Все это не имеет никакого значения – в любом случае кот либо жив, либо нет. Мой кот сдох. Не настоящий, который меховой трехцветный и орущий, этот как раз был в полном порядке. Исправно жрал и гадил на диван. Кот очень старый, ему 17 лет. По человеческим

меркам столько не живут. А мой был жив. Он пережил 4 переезда, двух мужей, два падения с высоты, стерилизацию, двух собак, потоп и перелом лапы. Судя по всему, байка о девяти жизнях, которые им обещаны, – истинная правда. Я котов люблю, мы с ними одной крови – мы психопаты. Я и мой кот точно психопаты. Не такие, как маньяки и серийные убийцы, но с эмпатией у нас большая проблема. Ее у нас нет. Может, это результат травмы в детстве, может, это физиологический дефект лобных долей. Про детские травмы я не помню, и никто мне ничего не рассказывал, поэтому считаю для себя, что их нет. Остается только версия с головным мозгом. Есть у меня привычка – любое событие, высказывание, информацию рассматривать с многих сторон. Единственная сторона, с которой я не могу посмотреть, – это эмоциональная. Я вижу и слышу, какую эмоцию испытывает человек, слышу, как он мучается, как все у него внутри клокочет и булькает от злости или, наоборот, радуется, но того же самого не чувствую.

Собственно, это все была преамбула, чтобы вы знали, с кем имеете дело. Я психопатка.

Любовь – это спокойная уверенность в другом человеке. Не знаю...

Не знаю, что такое любовь. Недостижимое, к которому стремятся. Самая большая морковка в мире, висящая перед осликом, который сам же ее и везет. Если бы она существовала, можно было бы сказать словами о ней и было бы общее мнение. Люди любят обобщать, когда понимают суть.

Голод – хочется есть, страх – хочется спрятаться, жажда – хочется пить. А когда любовь – что хочется?

Секс – эволюционный голод.

Отношения – информационный голод.

Жить на одной территории – экономический голод.

Вместе состариться – страх одиночества.

Как по мне, так это стеклянный мост без перил над бездной.

Двое танцуют танго смерти, то приближаясь, то отдаляясь. От этих движений мост раскачивается. И чем больше движений, чем они сильнее и активней, тем быстрее один из танцоров соскользнет и канет в бездне навсегда.

Кто был устойчив и не суетился, тот и остался на мосту. Но танго не танцуют в одиночку. Надо ждать. Победитель стал хищником. Теперь он чует запах крови. Новенького приглашают к следующей фигуре танца.

Мост принадлежит сильнейшему. Кто остался, скучая выводит привычные па, а новенький, танцуя, успевает лишь узнать движения, поэтому он уже проиграл. Но остался парадокс неизвестности исхода. Эта неизвестность – самое захватывающее, что происходило, происходит и будет происходить в их жизни. Все остальное декорации в пустоте.

Лучшие хищники – это психопаты.

Они умеют сидеть в засаде и ждать. Умный мягко впрыскивает сладкий яд слов, расслабляя жертву, прежде чем перейти к действиям. Идет период наблюдения и изучения. Даже если жертва ничего не подозревает и не знает о существовании хищника, у нее возникают предчувствия. Никакой мистики.

Предчувствие перед квантовым скачком в пиковой форме ресурса.

Физический мир не проявляет себя, но внутри, там, где душа, накапливается что-то неизвестное и непонятное, ранее не ведомое.

Ощущение весны. Февраль. Нет никаких причин думать, что завтра будет весна. Но однажды утром, просыпаясь, понимаешь – она пришла. Капель, солнце светит ярче, снег стал рыхлый, воробьи кричат громче, люди в метро цветные, прибавился день. И замечаешь внутренние изменения, или мечты об изменениях, мечты о еще не случившемся счастье. Ожидаешь, что жизнь вдруг начнет происходить и заиграет красками. Предчувствие дает силы пережить оставшиеся метели и заморозки. Хочется делать что-то необычное, то, чего никогда

не делала. Что-то, что изменит жизнь раз и навсегда, и больше не будет скучных будней, и каждый новый день не будет похож на предыдущий.

Тут выходит из тени тот, кто ждал. Начинаются изменения. Жертва навсегда связывает момент пикового удовольствия с личностью хищника. Намерение стало действием без действия. Все происходит само собой? Это иллюзия. Все происходит по плану. Хищник медленно и осознанно раскачивает стеклянный мост. Эмоциональность увеличивает амплитуду. Вырваться нельзя. Есть только два входа: в смерть быструю от рук хищника или в смерть медленную от тусклой жизни. Впрочем, некоторые ничего не выбирают. Они умирают на пороге.

Каждый выбирает свою смерть сам.

Зеркало «0».

Я спланировала его «уход», когда он замахнулся для удара. Это была точка перехода в «0». 15 лет назад. Был ли повод? Да. Я не выплинула его рубашку.

Он не был высок или красив, он не отличался большим умом, но было в нем животное обаяние. Иногда я видела, как он смотрится в зеркало – в этот момент мир не существовал. Был только он и его отражение. Лицо в шрамах от юношеских угрей, слишком круглая, похожая на глобус голова, безвольный острый подборок, короткая шея, плавно перетекающая в туловище. Все это зиждилось на тонких, но красивой формы ногах. Этакое нагромождение геометрических фигур. Шар, прямоугольник и две прямые.

Его зовут Николай. И он боится смерти.

– Сегодня ехал по трассе и видел, как машина впереди пыталась уйти от большого мусорного пакета. Улетела в кювет... Так страшно стало, – сказал он.

– Ты испугался?

– Скорее просто заметил... Однажды и со мной будет так... Я всегда думал, что умру молодым.

– Ты не умрешь молодым. Ты будешь жить долго.

Когда вам страшно, думайте о смерти. Говорят, она всегда ходит за левым плечом.

У камина место силы в доме.

Мы приезжали в дом, когда там были только голые стены – внутри бетон, снаружи бурьян. Мы строили дом. Просто жили вместе. Семь лет жили вместе.

Я была на восьмом месяце беременности. Он сказал: «У Ванька должна быть фамилия отца», – и мы тихо расписались в ЗАГСе. Потом поехали в дом посмотреть, как поставили камин. Купили шампанское и какие-то печеньки. Приехали, разожгли огонь и сидели смотрели на него.

«Зеркало. Вот то, чем я должна стать», – подумалось мне. И я стала зеркалом.

Мне доставляло удовольствие отражать его радость от самого себя. Он любил себя самозабвенно и безраздельно. Отражения кивали в ответ.

Была ли здесь я? Да. Я осталась при себе. История помогала мне во всем. История смертей.

Люди умирают просто. Закрывают глаза, и нет никого. Только что был, и больше нет.

Первый раз я столкнулась с осознанием смерти, когда хоронили деда.

Дед был большой человек в маленьком поселке. Тогда было принято значимых людей «выставлять» в общественном месте. Красивый красный гроб с черными рюшами стоял на высоких табуретах. В изголовье портрет деда. Я помню этот портрет с тех пор, как помню себя. Он всегда висел рядом с портретом бабушки в их спальне. Они были раскрашены ретушью. Смотрелось жутко. Всегда их боялась. Казалось, они следят за мной и знают, что я рылась в трюмо. Это эффект такой: когда делают фото, просят смотреть в камеру и человек смотрит прямо в объектив. Потом, когда фотография готова и в рамке, то кажется, что в какую бы сторону ты не сдвинулся, глаза следят.

На похоронах было много людей. Они шли вереницей. Мне казалось, что в нашем поселке не живет столько. Я сидела на стуле около окна и наблюдала за ними. Некоторые плакали навзрыд, этак горько-горько, словно это для них была реальная потеря. Мне было непонятно, почему им так плохо. Это же *мой* дед. А им он никто. Чего они так надрываются? И еще было не очень понятно – дед это или нет. Помню, подошла ближе, чтобы посмотреть. Лицо было очень похоже, но как будто стало меньше, и на лбу у него были следы от помады.

Люди шли и шли. Это было так долго, что я уснула и проснулась оттого, что упала со стула. Никто не заметил.

Потом были похороны. Нас везли в автобусе, и меня тошнило. Когда доехали до кладбища, мне было уже все равно. Чувств не было.

Подошла какая-то женщина.

– Тебе дедушку жалко? – спросила она и громко высморкалась.

Я кивнула.

– Плачь, деточка, плачь.

Плакать не хотелось. Хотелось домой, но я кивнула и сделала вид, что плачу.

Думаю, что люди плачут не по умершему человеку, а по своей жизни. Живешь, переживаешь, плачешь, страдаешь и все такое, а потом в землю, и тебя там черви едят. Через глазницы, через уши и вообще везде. Долго едят. Очень долго.

А потом начинаются походы живых на кладбище через 9 дней, через 40 дней, через год. И так каждый год. Весной надо чистить могилу, летом сорняки полоть, ограду красить, лавочку чинить, осенью цветы убирать. Хуже всего искусственные цветы. Самое отвратительное творение рук человеческих. Мерзкие пластиковые суррогаты жизни.

Что такое смерть, я поняла только через пару дней. Не помню, что я делала в этот момент, но точно помню мысль: «больше никогда». Еще два дня назад дед лежал в больнице и они хихикали с бабушкой о чем-то своем. Я сидела и смотрела в окно. Мама хлопотала с мисочками и пакетами.

И дед был жив. А сегодня наступило «больше никогда». Не было страшно, и не было больно, и плакать не хотелось.

Ощущение немного похоже на то, как лопается мыльный пузырь. Он красивый, парит в воздухе и переливается всеми цветами, но происходит что-то неуловимое и его больше нет. Как будто никогда и не было. Но я-то знаю, что пузырь был и этого уже не изменить. Не изменить этого знания. Был, нет, я знаю. Думаю, что это и называют путь. У пузыря миг, у человека век, у бабаба тысячелетие. Много позже я узнала, что некоторые люди чувствуют обиду, когда кто-то умирает. Я не чувствую. Просто был, просто нет, просто знаю.

Второй раз смерть была немного ближе. Я была старше. Его звали Олег. Мы дружили. Как в те далекие времена дружили – портфелем по голове, подножку поставить, крапивой по голым ногам и прочие прелести первой любви и дружбы. И было очень понятно, кому нравишься, а кому нет. Никакой романтики. Или это у меня не было романтики. Мы подросли и стали прогуливаться по темным местам. Чисто платонически. Молча. И тоже было понятно. Если он пришел в мой двор и сидит на лавке с другими пацанами, – это значит, он меня ждет. Я знала и не торопилась. У Олега были огромные командирские часы, и по тому, как часто он на них смотрит, прояснялось время моего выхода. Чем чаще смотрит, тем ближе время выхода. Я брала мусорное ведро и задолго до прибытия мусоровоза выходила. Ведро оставляла в подъезде. Проходила мимо лавочки с пацанами и делала вид, что очень спешу к подружке в соседний подъезд. Он вставал, брутально пожимал пацанам руки и молча шел следом. Все понимали – любовь. Так мы и ходили, пока мусоровоз не приезжал. А потом он перестал приходить. Сначала я смотрела в окно и его не было.

Потом он перестал ходить в школу. Потом оказалось, что у него саркома. Потом он умер. Ему было 15. Я не видела, как он умер. Я не была на его похоронах. Я просто жила и знала: «больше никогда». Был, нет, знаю. Путь длиной в 15 лет и больше никогда.

В живой жизни больше никогда, а во сне однажды.

Пришла после школы и легла спать. Лежу. Не спится. Звонок в дверь. Отрываю. Стоит Олег.

– Пойдем погуляем.

– Ты же умер?

– Пойдем.

Иду. Огромное серое здание. Не видно, где заканчивается и где начинается. Ни в высоту, ни в длину края нет. Нет балконов. Только входные двери. Заходим в одну из них. Спускаемся на пролет ниже. Все серое. Длинный коридор без дверей и маленькие кельи – симметрично направо и налево. Заходим в одну из них. Олег деловито идет впереди и машет рукой – приглашает следовать за ним, но не оборачивается, просто машет. Иду.

В келье сидит ко мне спиной старушка. Благообразная такая старушка в цветном платочке и черном платье.

– Тут я и живу, – говорит Олег и показывает на каменную нишу в стене.

– С этой бабкой?!

– Дура ты, жить тебе долго. Иди, откуда пришла.

– Я не знаю, как выйти, столько шли, я не запомнила.

Звонок в дверь. Просыпаюсь. В голове мутно, туловище чугунное. Пошевелиться не могу. Сонный паралич. Валяюсь. В дверь все звонят и звонят. Перестали. Телефон звонит. Не могу встать. Лежу. Не сплю. Опять в дверь звонят. Просыпаюсь снова. Встаю. Все еще чугунная. Открываю дверь. Мама в слезах.

– Что случилось?

– Я спала.

– 6 часов?! Я ношусь по всему поселку, ты не открываешь, трубку не берешь!

– Не знаю. Просто спала.

– Я думала, что-то случилось! Зачем дверь на второй замок закрыла? Знаешь ведь, что ключа от него нет.

– Я не закрывала.

Смерть была совсем рядом. Но не моя. Потому что я дура. Она любит умных.

Потом мы жили с Димкой в университетской общежитии, и однажды утром нас не пустили в столовую. Оказалось, что какой-то студент прыгнул с крыши и повис на строительных лесах. На открытом штыре строительных лесов. Проколотый насквозь. Вниз лицом. Все ходили смотреть снаружи. Он был похож на муляж. Он совсем не выглядел как человек, словно куклу повесили для страха. Страшно не было. Было непонятно, зачем он это сделал. Неужели есть что-то важнее жизни? Это я тогда так думала, потому что Димка был рядом. А когда Димка сказал, что ОНА для него все, я взяла старую безопасную бритву, вынула ржавое лезвие и попыталась разрезать вены. Но не знала, как правильно. И получилась только маленькая лужица. Некоторые пьют таблетки – это, конечно, надежнее, но все равно есть вероятность, что откачают. Так что студент был прав.

Дуры живут долго; я замотала бинтом жалкие раны на запястьях и стала жить дальше.

Тогда я впервые заметила, что больно не мне, а другой мне. Не знаю, когда и как она появилась, но, когда я ее заметила, мы стали дружить. Это не как у шизофреников с множественным расстройством, где личности не знают друг о друге. Мы знаем. Иногда я главная, иногда она главная. И мы разные. Я мягкая и добрая, отзывчивая и внимательная. Она жесткая и грубая. Я людей люблю. Она их троллит. Я жалею, она наказывает. Я не знаю, кто из нас тень. Когда я гуляю с собаками и вижу свою тень в свете фонарей, то мне кажется, что этот

темный силуэт добрее меня. Это значит, что я где-то посередине между ними. И, может быть, меня давно нет и я себе снюсь.

Была еще одна смерть.

Зимняя Москва не самое позитивное место на земле, особенно когда ты в депрессии. Депрессия – странное слово. De-press. Нет сопротивления. Так и есть. Лежишь себе, и все пофиг. Что воля, что неволя... Пьешь, куришь и практикуешь по Пелевину неработающий телевизор. Но социум орет прямо в мозг *иди работай!*. А зачем? Смысл какой? А смысл есть. Жизнь длиннее депрессии. Вот и весь смысл. Жизнь длиннее любого события в ней, и эта череда последовательных во времени и пространстве переходов – любовь, дети, родители, работа, повышение в должности, деньги, развод, смерть других – это и есть длина жизни. Тебе повезло, если в твоей жизни много этого. Возникает ощущение длинной, и бурной, и насыщенной жизни, полной всяких переживаний. Всю эту бессмыслицу действий знал мужик, который снег на крыше чистил. Сначала он сбросил лопату вниз, а потом встал на край, раскинул руки как крылья и полетел. Я смотрела. Это было быстро. Всего пять этажей, и на грязном московском снегу – лужа. Красная. Но мне все равно, и я не потеряла чувство красного, как в том кино с Брюсом Уиллисом. Красная лужа на грязном снегу, и рядом валяется лопата. Не знаю, когда его убрали.

А потом умер папка. Я его, наверно, любила. Он позвонил, когда я прилетела из Доминиканы, и сказал, что все нормально. Конечно, это было не так. Он болел. У него был рак. Это бич нашего века. А может быть, мода. Если нет рака, то странно, почему человек умер. Ведь рака не было. Не знаю, от чего умирали люди раньше, когда не было рака. Как это: умирать от старости? Наверно, человек просто отдаляется от жизни. Неинтересно, не трогает, не цепляет. Начало взгляда со стороны. Конец эмоций. Когда эмоций еще много и планы есть, тогда приходит рак и забирает планы и эмоции, потому что ресурсов все равно не хватает на осуществление задуманного, чего зря человека мучить. Узурпатор жизни.

У папки был рак. Быстрый. Всего за год. Он умер один. Я вижу, как он лежит без сил в заваленной хламом квартире. И рак говорит ему: «Это все, Бро! Ты иссяк. ФСЁ!» И папка закрывает глаза. И вот его нет больше. Тихо. Есть кремация, есть урна с прахом, есть квартира пустая. Я опоздала на 12 часов. Вчера я с ним говорила по телефону. А сегодня утром его нет. Опоздала. Больше никогда. Был, нет, я знаю.

Портреты.

Саша.

Есть у Николая друг в Оренбурге, владелец бензоколонок. Простой русский миллионер. Они дружат со времен «Керосинки». Маленький, коренастый, всегда знает, что хочет и как это получить. Сейчас ему не хватает духовности и он ушел в религию.

У нас в Доминикане квартира, и друзья приезжают в гости. Саша не исключение. По утрам он молился ровно в назначенное время, потому что это была групповая молитва. В России с ним молились другие. Усиление эффекта. Синергическая молитва. Иногда приходилось его ждать. Нам было не в напряг: океан, солнце, маньяна – НА. Почему бы и не подождать. Да и, в принципе, мы транкило-хенте. Но, как известно, границы имеет все.

К слову, Саша любит знакомиться с девушками везде. Где он появляется – там и знакомится. Исключений нет. В этот раз он познакомился в аэропорту.

Не помню точно кого, но нам надо было кого-то отвезти в аэропорт. Поехали все вместе. Человека отвезли, а Саша сказал, что ему надо на пять минут встретиться с девушкой. Она улетает.

Мы проводили своего персонажа и сидим в машине, ждем.

Десять минут...

Полчаса...

Сорок минут...

Пошли искать. Подумали, а вдруг чего-то... Чужая страна, он не знает обычаев, языка, вечер опять же, лихие люди есть везде.

Походили-побродили, нет нигде. Подождали еще...

– Может, поедем? Ванек спать хочет. Большой мальчик, доберется, – сказал Коля.

– Неудобно как-то, мы же его привезли.

Прошло еще минут несколько. Идет Саша – довольный, как самовар.

Я не выдержала:

– А ничего, что трое человек тебя целый час ждут?

– Ну я ж взрослый, добрался бы как-нибудь.

– Вот-вот, я же говорил!

Вернулись домой. Настроение паршивое. Саша обиделся и не пошел с нами в бассейн. Для меня это было даже хорошо, он меня как-то напрягал своим присутствием. Было ощущение, что я не дотягиваю до каких-то стандартов. Недостаточно стройная, недостаточно красивая, недостаточно молодая, недостаточно подхожу его другу и все такое прочее. И в то же время почему-то чувствовалось, что он меня боится.

На следующее утро он был покладист и угодлив. Даже пришел помогать мне отдирать пленку с хромированной вытяжки.

Вечером мы сидели на балконе с мужем и он мне рассказал, что Шурег изрек истину в виде вопроса:

– Как ты с ней живешь? Она же всегда говорит то, что думает! Жесть. Никакой женственности!

– Зато нет камней за пазухой.

Мне было приятно это слышать.

Тетка из овощного.

Вообще я бываю довольно резкая, если касается моих терминальных ценностей. Могу и припечатать.

Пошла я однажды покупать носки. В магазине три человека: я, какой-то парень у кассы и женщина из тех, которые похожи на продавцов в овощном отделе. Кто жил в 90-х, знает, как они выглядят. По классификации, которую я узнала позже, их называют эпилептоиды. Узнать просто: квадратная фигура, тонкие ноги (очень часто, кстати, довольно красивой формы, но отсутствие талии портит весь вид), короткая шея. Женщины этого типа очень любят носить лосины и широкие старушечьи кофты черного цвета с большими яркими цветами. Так вот. Набрала я в корзинку носков, футболок и иду к кассе. Там стоит тот самый парень и мило беседует с девочками-кассирами. Оказалось, устраивается на работу. И вот я уже около кассы. И тут за спиной очень наглый голос:

– А Вам не кажется, что Вы были после меня?!

Если честно, я слегка обалдела от этого хамства. Две кассы из двух свободны. Ну иди ты себе рядом! Никто не мешает.

Я выдохнула и отзеркалила на славу:

– Вполне возможно. Но, к сожалению, только в Вашей картине мира.

Тетка такого странного ответа от овцы вроде меня (я реально выгляжу как овца) не ожидала и покорно встала за мной. Чем чёрт не шутит, может, наконец-то ее мир перестанет быть прежним и овцы в нем обретут законное место... Мне хотелось бы этого.

Николай.

Он эпилептоид, но он эмоциональный эпилептоид. Он может тонко чувствовать и даже иногда плачет. Мне всегда нравилась его чувствительность. Только сильный мужчина может позволить себе плакать. Это значит, что он не боится. Чего? Да ничего не боится. Не боится показаться слабым, потому что страх и есть признак слабости и трусости. А когда ты можешь вот так запросто, в присутствии человека, которого любишь, плакать – то это круто. Это дове-

рие. И кто придумал, что мальчики не плачут? Они что, не люди? В них эта опция не заложена? Все у них так же, как у девочек. Эмоции из песни не выкинешь. Иначе нафига всё.

Магистр и мистика смыслов.

Первый раз Учитель приехал в мой офис не один. Наверное, боялся. С ним был партнер. Партнера звали Витя. Совсем молодой, всего двадцать четыре. Удивительным было его лицо. Круглое, румяное. Идеальная, почти девичья кожа, голубые наивные и детские глаза. Когда он улыбался, было ощущение «солнца из-за тучи». Я подумала: «Что он может знать о лжи?» Он почти все время молчал.

Они сели на диван, и Женя начал с места в карьер:

– Вы знаете, что такое ТОТЕ?

– Нет, – сказала я.

– Это – Test-Operation-Test-Exit. Мы не используем академические знания ни в работе, ни в обучении. Мы практики. Все теории мы проверяем в реале. Как Вы относитесь к НЛП?

– Ну... Это Милтон Эриксон...

– Да. А еще Бэндлер и Гриндер. Милтон Эриксон – это недирективный гипноз. Бэндлер и Гриндэр – это технология. НЛП – это инструмент. Представьте себе... Ваш муж спрашивает Вас, куда бы Вы хотели поехать в отпуск. А Вы говорите: «В Доминиканскую республику»...

Он говорил много и водянисто и слишком увлекся ролью учителя. Мне стало скучно, и я перебила:

– У нас с мужем квартира в Доминикане. Хотите свозить туда свою девушку? Мы просто дадим Вам ключ.

– Спасибо... Я не об этом... Хотя очень интересно получилось – я к слову упомянул Доминикану... Так, к примеру... У нас с женой квартира в Болгарии. Так что... Но все равно спасибо.

– Вы уверены? Океан, первая линия, бриз...

– Может быть... Когда-нибудь.

Первая лекция была неинтересной, может, потому, что я не совсем понимала, как это относится к исследованию лжи, может, потому, что Женя был сумбурным и нервным, может, потому, что я от природы тупая и медленная. Одним словом, я была слегка разочарована.

После первого посещения никто больше не звонил. Три месяца никто не звонил. Наступил сентябрь. Время обучения всех и всему. И меня пригласили на общую группу.

Ездить было очень далеко. Мы тогда жили за городом, и на дорогу уходило около трех с половиной часов, при хорошем раскладе без пробок в один край. Занятия начинались в десять утра, так что вставать приходилось в пять. Осенью это особенно не в кайф. Для меня. По утрам я никакая.

На заре нашего знакомства муж спросил меня:

– А ты по утрам какая?

– Ни-ка-ка-я... – вылетело у меня на автомате, ибо это реальная правда.

Для того чтобы проснуться, мне нужен минимум час. Я слоняюсь, пью кофе, курю. Одним словом, делаю ничего. Это особое состояние. Только мое. Я профессионал в делании *ничего*. По сути, это моя профессия. Я создаю эмоциональный климат. Психолог-комфортолог.

Исправно приезжала я на занятия. Каждое утро. К десяти часам. Три недели подряд.

В группе заниматься было веселее, можно было наблюдать людей. Кто и зачем пришел учиться. Я лично пришла, чтобы научиться узнавать, как и когда человек лжет. Обычно я это знаю, но на бессознательном уровне, из серии «жопой чую». А хотелось не жопой, а критерияльно. Ты лжешь, потому что... Далее по пунктам очевидного.

Магистр был великолепен. Харизматичен и умен. Держал группу. Умно разбавлял шутками сложные моменты и следил, чтобы никто никого не обижал – тема жесткая – ложь, паттерны и проявления. Упражнения были тоже жесткими. Некоторые персонажи группы заигра-

вались и начинали утилизироваться на партнёре. И тут Великий и Ужасный говорил: «Брейк». И все понимали – Евгений рулит. Вождь вещал и был прекрасен. Женская часть группы была влюблена в учителя, мужская часть завистливо пускала скупую черную слезу под девизом: «Я тоже так хочу!».

Мне нравилось его лицо. Печальное выражение умудренного опытом учителя, знающего так много о темной стороне человеческой натуры. Конечно, мы все знаем о темной стороне, но он знал больше. Казалось, он видит тебя насквозь. Там, на тренинге, я впервые осознала ту свою серединную себя, добрую и отзывчивую. Именно осознала. Приняла ее как должное и как свою силу, ибо до этого мне казалось, что это большая слабость и это нельзя показывать. Разве что немного.. И только самым близким. А то напакостят и убегут, как глупые мальчишки, которые звонят в двери старушек. Восстанавливайся потом. Долго и мучительно. В одиночку. Как Феникс. Из пепла. Оказалось, это большая сила. Особенно потому, что я женщина. Это путает собеседника и вербует его сразу на открытость. Бдительность притупляется, и человек рассказывает самое сокровенное.

Я заметила, что, когда иду по улице, пара человек обязательно спросит дорогу. Рядом идут другие люди, и впереди идут люди, и позади идут люди, но останавливают именно меня. А если просто сесть на лавочку во дворе и курить, то непременно подойдет какая-нибудь старушка и станет изливать свою горькую жизнь. Это свойство располагать собеседника и есть мой особенный талант. Чёрт знает, что это за сила, но факт есть факт. Это тот самый мой ресурс, который дремал, как дракон. Приручить его стало моей персональной задачей.

Три недели обучения были очень долгими. Я выматывалась в хлам. Но вечером, когда мы садились у камина и Ванек уже спал, наступало наше время, любили поболтать. Мне казалось, это так интересно и Николай всерьез ощущает мой подъем.

– Я понятия не имела, что такое инфобизнес! Торговать информацией. Это же просто революция какая-то. Ну представь, все вокруг что-то продают. Прокладки, печенки, памперсы, сотовые телефоны... А тут продают информацию...

– А сколько человек на тренинге?

– Ну, может, человек 30—40. Идея грандиозная. Я бы выдавала нобелевки тем, кто придумал памперсы, тампоны и инфобизнес!

– А сколько тренинг стоит? Ну, твой я знаю сколько. А другие сколько заплатили?

– Девчонки сказали, что 60 тысяч.

– А ты 150.

– Ну это же такие знания. Это эксклюзив. Помнишь, мы сериал смотрели «Обмани меня»? Это как раз про то, что Женя делает. Они проводят проверки на полиграфе. Но главное в том, что полиграф – это только пугалка. Как говорит Женя – паяльник тоже полиграф в определенных ситуациях. Основную работу делает оператор. Он же верификатор. То есть человек – сам по себе детектор лжи, если знать, на что обращать внимание. Ну, такие точки фокусировки внимания. Как сталкинг, только ограниченный условиями и тематикой. Ты видишь все, о чем думает человек. А человек этого не знает и просто рассказывает о себе.

– Ну, то есть теперь ты всегда будешь знать, когда я вру.

– Ну нет, конечно. Там условие – не читать родных и близких.

– Прямо условие.

– Ну, а зачем? Мы же в семейном кругу. Зачем тут врать? Тут зона комфорта.

– Помнишь, у нас в офисе были случаи краж на складе? Мы тоже полиграфолога приглашали. 3 тысячи за каждого человека. Потом отчет на двух листах. Приколно было.

– А скольких вы прогнали через полиграф?

– Ну, наверно, человек 50. Вот и считай $50 \cdot 3000 = 150000$. Доходненько. И работал только один человек.

– В группе есть пацан, он в шутку предложил «полиграф на колесах». Микроавтобус оборудованный. Полиграф – это программка на компе и несколько датчиков, которые фиксируют физические показатели тела. Температуру, потоотделение, дыхание. Давай такую штуку сделаем?

– Надо посчитать. Вообще идея интересная. Ты будешь этим заниматься?

– Естественно! А чего я тогда учиться пошла? Чего думаешь: реально прокатит идея?

– Надо подумать.

Мистика смыслов в том, что каждый говорит о своем. Умеешь слушать другого – ты мастер. Умеешь говорить – ты дурак. Начало и конец пути.

Осознание и раздвоение.

Вот таким и был мой мир. Все в нем было причинно-следственно, если не сказать больше: векторно. Мы знали, чего хотим, мы знали, как сделать то, чего мы хотим, и мы делали то, что хотели. И, надо сказать, хорошо делали.

Самое интересное началось с того, что мне захотелось быть ближе к Великому и Ужасному. Был ли он для меня трофеем? Не он сам, его присутствие в жизни. Мысли о том, что можно быть ближе к знаниям, почти тайным знаниям, очень бодрили. Хотелось достигать и быть. Я не пропускала информацию о том, что происходит в Академии, и нашла следующую ступень. Выездной тренинг «Игры Богов» проходил на Кипре.

Само по себе съездить на Кипр в октябре, когда в Москве уже пора холодных дождей и слякоти, очень приятно. Там тепло, тихое Средиземное море, цветут бугенвиллеи... Красота. Плюс ко всему этому великолепию еще и многообещающий тренинг. Заявлена была «Вербовка». Интересно. Даже не сама вербовка как процесс, она имеет цель получить от человека что-то: либо информацию, либо самого человека со всеми потрохами, но как это происходит, по каким законам и с какими последствиями – вот что было самым интересным.

Вербовка происходит всегда и везде. Вы приходите в парфюмерный магазин купить себе духи. К Вам тут же подходит девушка и спрашивает: «Могу я Вам чем-то помочь?» Если Вы начинаете колебаться или вдруг Вы очень тактичный человек и Вам неловко отказать милой девушке, тем более что это ее работа, а Вы просто пришли потратить деньги, то Вам становится стремно. Она на работе, а Вы празднично шатающийся с полными карманами бабла в рабочее время! Вот Вы уже и завербованы. На эту самую слабость: Вы посочувствовали – она воспользовалась. Ей бонусы за продажу и зарплата, а вам зря потраченные деньги – духи купили не те, что хотели, и в два раза дороже, потому что эта девушка хорошо работает, а Вы полная лохушка.

Я к вам со всей душой, а вы просто на работе. Обидка закрадывается. Крючочек работает не на вас.

Работаешь себе работу, а все кому не лень в душу лезут: «Ну, чего там у вас с ним? Все нормально? Я слышала, что Таня к нему не ровно дышит, ты смотри, уведут, незамужние, они такие! А мужик всегда свежачка хочет!» И вот уже на крючке – добрый посыл от доброй женщины родил муть в душе. Что теперь с ней делать? Затыкаетесь поглубже, а таракан уже внутри – по мозгам бегаёт. Начинаете наблюдать и придумывать то, чего еще и нет, и настроение сразу поганое. А тебя спрашивают:

– Что-то не так? Чего такая хмурая?

– Да так, ничего... Все нормально...

На самом деле ненормально. Спросить нельзя – покажешь слабость или ревность. А не спросить – с тараканом теперь обсуждать все придется. Или еще хуже с этой коллегой – якорь ей в печенку. Вот зачем, спрашивается, она сделала это? Добра желала?!

Идешь на работу – вот и будь на работе, кому тут твоя душа нужна? Дело делай. А коллега пусть в задницу идет со своими благими намерениями.

Вот этому и хотелось научиться – как свои крючки слабые прятать умело. Чтобы вся такая гладкая и тефлоновая была, чтоб ни одна коллега не могла даже подумать задать мне такой вопрос. А все зачем?, – Чтобы тараканов чужих не бегало в голове.

Так вот Кипр...

Сталкер я так себе. Когда приезжаю на новое место, сначала надо найти темный тихий угол, чтобы рассмотреть все, приглядеться. Кто есть кто, и кто есть где, и кто есть зачем. Лишняя коммуникация всегда проблема. Тяжело говорить на темы ни о чем и делать заинтересованный вид. А скажешь что-то, о чем реально интересно, – вот уже тебя и сцапали. Хотя, если смотреть с точки зрения того, что каждый думает только о себе, – как он выглядит, хорош ли, красив, начитан, интеллектуален, – кому какое дело, что ты там говоришь, и можно нести полную чушь. Но тут, как выяснилось, тоже нужны границы.

Однажды в группе по гештальт-терапии в универе я реально почувствовала поле группы, и сравнимо это было с историческим моментом. И я сравнила.

– Инна, а Вы что чувствуете? – спросила меня преподаватель.

– Я себя чувствую, как красный революционный матрос Железняк.

Немая сцена. Все смотрели на меня как на говорящий йогурт.

– Ээээ...

– Ну, в смысле, я чувствую себя, как он. Как будто я Ленина только что увидела.

Тему быстро перевели на что-то другое, но осадок неконгруэнтности остался.

Бабушка, царство ей небесное – еще тот Чапаев была – в таких случаях говорила мне:

– Все люди как люди, а ты как хрен на блюде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.